

Елена К.
**«Исправительный
лагерь или Как я
случайно спасла
деревню (и чуть не
сожгла контору)»**

Елена К.

«Исправительный лагерь или Как я случайно спасла деревню (и чуть не сожгла контору)»

<https://litres.ru/74304402>

SelfPub; 2026

Аннотация

«В лагере Заря чудеса не прячутся в сказках — они живут рядом. Но теперь у чудес есть расписание! Тётя Зина вводит Официальный график разрешённых чудес, а команда лагеря учится договариваться с лесом .

Кира, Витя, Максим Андреевич и все обитатели Зари узнают: хаос можно укротить, если добавить к нему щепотку заботы, а волшебство становится по-настоящему добрым, когда его встречают не страхом, а улыбкой. Здесь пироги умеют танцевать, таблички растут сами собой, а лес внимательно читает каждую фразу — даже ту, что написана мелом на доске.

Эта история — о том, как найти общий язык с необъяснимым, не потеряв при этом ни здравого смысла, ни чувства юмора. О дружбе, которая держится на взаимном уважении — даже если один из друзей — весь лес целиком. Тёплая, ироничная сказка для тех, кто верит: чудо — это не про хаос, а про то, что рядом

есть кто-то, кто скажет: Я с тобой. И пусть всё будет по делу но с душой».

Содержание

Все Главы.	5
Глава 1. «Распределение»	6
Глава 2. «Акт на дождь и прочие мелочи»	12
Глава 3. «Как договориться с чайником и не поссориться с зеркалом»	20
Глава 4. «Как лес собирает долги»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена К.

**«Исправительный лагерь
или Как я случайно
спасла деревню (и чуть
не сожгла контору)**

Все Главы.

Глава 1. «Распределение»

Кира стояла перед дверью с табличкой «Отдел распределения магических кадров» и чувствовала, как внутри всё сжимается от нелепости происходящего. Это была не просто дверь — это была дверь из тёмного дерева с бронзовой ручкой в форме змеи, которая, казалось, слегка шевелила хвостом, когда кто-то тянулся к ней. Кира не верила в такие вещи, но рука всё равно замирала на полпути.

Ещё вчера её жизнь укладывалась в понятный алгоритм: будильник, кофе, лента новостей, пара постов для клиента, снова кофе, ужин, сериал. А сегодня она стояла в коридоре, где стены были обиты панелями, на которых время от времени проступали тусклые руны — они вспыхивали и гасли, будто кто-то невидимый проверял, всё ли на месте.

Кира посмотрела на свои ботинки: они были старыми, удобными, с чуть потёртым носком. В них было что-то успокаивающее — обыденность, которую можно потрогать. Она подумала, что если сейчас обернётся и уйдёт, никто её не остановит. Но тут же вспомнила, как утром в подъезде на неё уставились все почтовые ящики сразу, будто ждали объяснений. И как лифт, вместо того чтобы ехать на пятый этаж, вдруг замер и тихо произнёс: «Не надо».

«Это просто сбой, — твердила она себе. — Просто ста-

рый дом, старые механизмы...» Но механизмы не поют колыбельные.

За дверью слышался размеренный стук клавиш. Не компьютерной клавиатуры, а чего-то более старого — будто кто-то печатал на механической машинке. Этот звук добавлял абсурдности: как будто бюрократия решила взять в союзники магию.

Кира глубоко вздохнула, взялась за змеиную ручку — и та действительно чуть шевельнулась под ладонью, словно проверяя, насколько твёрдой будет хватка. Дверь открылась с тихим, почти вежливым щелчком.

В кабинете было прохладно, будто сюда не доходило летнее солнце. На стенах висели полки с папками, каждая из которых была подписана не просто именем, а целой формулой: «Иванова А. П. — стихийные всплески (бытовые), уровень 2, зона ответственности — подъезд 3». На столе у окна стояла стопка бумаг, скреплённая печатью с оттиском, который мерцал, если на него долго смотреть.

Инспектор Марк сидел за столом и не поднимал глаз от папки. Он был в строгом костюме, но без галстука; рукава рубашки были аккуратно подвёрнуты, будто он готовился к чему-то, что требовало свободы движений. На его столе стояла чашка с надписью «Я не злой, я просто вижу последствия». Рядом лежала тонкая папка с её именем.

— Вы понимаете, что у вас в подъезде три дня шёл дождь? — спросил он, не поднимая глаз. — Не атмосферный. Из

потолка.

Кира открыла рот, чтобы сказать что-то про протечку, про старый дом, про то, что управляющая компания ничего не делает, но слова застряли. Потому что она вспомнила: дождь шёл не просто из потолка — он шёл из люстры. И капли были тёплыми, как чай. И они пахли мятой.

— Это была протечка! — всё же выпалила она, стараясь звучать уверенно.

Марк медленно поднял взгляд. Его глаза были спокойными, почти усталыми, будто он уже слышал эту фразу тысячу раз.

— Протечка не поёт колыбельные, — сказал он. — А ваш потолок пел. Три ночи подряд.

Кира вздохнула. Ей хотелось сказать, что она вообще не умеет петь, но поняла, что это прозвучит как оправдание из плохого сериала.

— И что теперь? — спросила она. — Меня посадят?

— Нет, — ответил Марк. — Вас распределяют.

Он подвинул к ней лист бумаги, где красивым каллиграфическим почерком было выведено: «Исправительный лагерь Заря. Программа социальной адаптации для лиц с неучтённой магией».

Кира уставилась на слово «исправительный». Оно звучало как приговор.

— Звучит как тюрьма, — пробормотала она.

— Это лагерь, — спокойно поправил Марк. — Там учат,

как не менять погоду в подъездах. И как правильно подписывать акты на использование стихий.

— Акты? — переспросила Кира. — На дождь?

— На любой дождь, — кивнул Марк. — Особенно если он идёт из потолка. И особенно если он пахнет мятой.

За спиной у Киры что-то звякнуло. Она обернулась и увидела Блюдце — обычное, с цветочным узором, но с подозрительно живым взглядом. Оно стояло на полке среди других предметов, но явно выделялось тем, что время от времени поворачивалось к людям, будто прислушивалось.

— Не спорь, — сказала Блюдце. Голос у него был тихий, но отчётливый, с оттенком усталости, будто оно произносило эту фразу уже тысячу раз. — Тут все спорили. Потом подписывали.

Кира посмотрела на Марка, на Блюдце, на папку с её именем, где на обложке было приклеено фото, где она выглядела так, будто только что пыталась вызвать такси заклинанием. Возможно, так оно и было.

— А можно я просто больше не буду греть пиццу? — тихо спросила она.

Марк улыбнулся впервые за всё время. Улыбка у него была не широкой, а скорее сдержанной, будто он позволял себе только намёк на веселье.

— Можно, — сказал он. — Но это уже не поможет. Вы в системе.

И он протянул ей направление.

Кира взяла лист дрожащими пальцами. Бумага была плотной, почти пергаментной, и на ней чувствовался лёгкий холодок, будто она хранила в себе чужие истории. На обратной стороне кто-то карандашом приписал: «И не трогайте котёл в столовой. Он реагирует на сарказм».

— Что это значит? — спросила Кира, указывая на надпись.

Марк пожал плечами.

— Это значит, что котёл в столовой реагирует на сарказм, — повторил он спокойно. — Если скажете что-то вроде «Ну конечно, суп сам себя приготовит», он может решить, что вы бросили ему вызов. И тогда придётся вызывать аварийную бригаду.

Кира хотела рассмеяться, но смех не шёл. Вместо этого она почувствовала, как реальность вокруг неё становится чуть менее твёрдой, будто мир решил показать ей свои швы.

— А кто ещё там будет? — спросила она, пытаясь зацепиться за что-то обычное. — Ну, в лагере.

— Разные люди, — ответил Марк. — Те, кто случайно вызвал туман на вокзале. Те, кто хотел починить кран, а вместо этого открыл портал в кладовку. Те, кто думал, что просто кормит голубей, а на самом деле заключил договор с духом ветра.

Кира представила себе эту галерею лиц: растерянные, виноватые, упрямые, смилившиеся. И вдруг поняла, что теперь она — одна из них.

— И что мне нужно делать? — спросила она уже тише.

— Жить, — просто ответил Марк. — Только теперь с учётом того, что мир немного сложнее, чем кажется. И что каждое ваше действие оставляет след. Иногда в виде дождя из люстры. Иногда в виде договора с ветром.

Он встал, обошёл стол и подошёл к двери.

— Вас отвезут, — сказал он, открывая дверь. — Машина уже ждёт.

Кира встала, чувствуя, как пол под ногами будто слегка пружинит, будто даже этот коридор не хотел её отпускать. Она сделала шаг, потом ещё один. В дверях она обернулась.

Блюдце подмигнуло ей одним краем.

— Удачи, — прошептало оно. — Тут всем она нужна.

Марк кивнул, будто подтверждая эти слова.

— Помните, — добавил он. — Лагерь «Заря» — не наказание. Это место, где учат видеть то, что скрыто. И отвечать за то, что сделано. Даже если вы просто хотели разогреть пиццу.

Кира вышла в коридор, где руны на стенах снова вспыхнули, будто приветствуя нового участника системы. И гдето вдалеке, за поворотом, тихо звякнул колокольчик — будто кто-то отметил: «Ещё одна душа вошла в игру».

Глава 2. «Акт на дождь и прочие мелочи»

Машина, которая везла Киру к лагерю «Заря», была не совсем машиной. Это был старый микроавтобус с табличкой «Спецдоставка: только по пропускам», на капоте которого кто-то вывел мелом: «Не гладить по крыше — она обижается». Кира хотела спросить, серьёзно ли это, но водитель — молчаливый мужчина в кепке с вышитым глазом — только хмыкнул и включил радио, из которого вместо музыки доносился голос, читавший вслух регламент по обращению с самовозгорающимися спичками.

Дорога шла через лес, который будто нарочно тянул к дороге ветки, словно хотел заглянуть в окна. И каждый раз, когда ветка касалась стекла, стекло на секунду становилось матовым, а потом проявляло на себе короткий узор — будто лес ставил невидимую печать: «Проехали. Запомнили».

Кира вцепилась пальцами в сиденье, стараясь не думать, что это значит. Но думать не получалось.

— Это всегда так? — наконец спросила она у водителя.

Тот пожал плечами, не отрывая взгляда от дороги.

— По вторникам хуже, — коротко бросил он. — В среду лес спокоен. А по четвергам он любит шутки.

Кира хотела уточнить, какие именно шутки, но в этот момент микроавтобус резко вильнул, объезжая корягу, которая, казалось, сама выползла на середину дороги.

— Не спорь с дорогой, — буркнул водитель. — Она тут главная.

Лагерь «Заря» оказался не мрачной крепостью, а скорее странным поселением, где каждый домик выглядел так, будто его строили несколько раз и каждый раз немного подругому. Один флигель имел лишнюю дверь, которая вела в кладовку, а кладовка — в коридор, которого не было на плане. Другой домик гордо демонстрировал три крыши: одну обычную, одну слегка наклонённую и одну, которая время от времени тихо мурлыкала, если на неё падал дождь.

Киру встретила администраторша — женщина лет пятидесяти с причёской, напоминавшей пчелиный улей, и с бейджем «Алевтина Петровна: контроль, учёт, последствия». В руках у неё была папка, в которой шуршали бумаги, будто живые.

— Документы, — сказала Алевтина Петровна, протягивая руку. — И направление. И если есть какие-то стихийные проявления при себе — тоже сдайте. Даже если это просто брелок, который странно светится.

Кира неуверенно протянула направление и добавила маленький брелок в виде кота, который, по её мнению, был совершенно обычным.

Алевтина Петровна посмотрела на брелок, приподняла

бровь и положила его в отдельный прозрачный контейнер с надписью «Вещи с потенциалом».

— Он мурлычет, когда идёт дождь, — пояснила она. — Значит, потенциал есть.

Кира открыла рот, чтобы возразить, но вспомнила, что брелок и правда мурлыкал. Тихо, почти неслышно, но мурлыкал.

— Теперь подпишем акт, — бодро продолжила Алевтина Петровна. — Акт 114Д: «О временном размещении лица с неучтённой магией и сопутствующих проявлениях бытового характера».

Она подвинула к Кире бланк, где в графе «Проявления» уже было аккуратно вписано: «Дождь из люстры (3 дня), запах мяты, пение потолков, попытка вызова такси заклинанием (неудачная), повышенная эмпатия к электроприборам».

— Эмпатия к чему? — переспросила Кира.

— К электроприборам, — спокойно повторила Алевтина Петровна. — Вы ведь замечали, что микроволновка на вас смотрит? И что чайник иногда вздыхает? Это не поломка. Это контакт.

Кира вспомнила, как чайник вчера действительно вздохнул, когда она наливала воду. И как микроволновка мигнула лампочкой, будто подмигнула.

— Я просто... привыкла с ними разговаривать, — пробормотала она.

— Вот и отлично, — кивнула Алевтина Петровна. — Зна-

чит, контакт уже есть. Осталось научиться его регулировать. Подписывайте.

Кира поставила подпись дрожащей рукой. Бумага под пером слегка шевельнулась, будто проверяла, насколько твёрдой была её решимость.

После оформления Алевтина Петровна провела Киру по территории и попутно выдавала инструкции, которые звучали как заклинания:

— В столовой не спорьте с котлом. Он обидчивый. Если суп остыл — не говорите «Ну вот, опять». Он воспринимает это как личное оскорбление и может начать бурлить с удвоенной силой. — В библиотеке не листайте книги слишком быстро: страницы могут обидеться и захлопнуться прямо у вас перед носом. — Возле леса не обещайте ничего «просто так». Лес запоминает слова. Особенно если вы стоите под старой сосной, у которой на стволе вырезано три кольца.

На последнем пункте Кира замерла.

— А что будет, если пообещать? — осторожно спросила она.

Алевтина Петровна посмотрела на неё долгим взглядом.

— Лес принимает обещания всерьёз, — сказала она. — Если скажете «Я никогда больше не пойду туда», он может решить, что вы заключили договор. И тогда действительно не сможете туда пойти. Даже если очень захотите.

Кира сглотнула.

— То есть... слова — это тоже магия?

— Слова — это самая сильная магия, — кивнула Алевтина Петровна. — Особенно те, что сказаны в спешке.

В этот момент изза угла выскочил кот Барсик — тот самый, про которого упоминал Марк. Он нёс в зубах печать с оттиском «Согласовано: зона 3» и выглядел так, будто это была его законная добыча. За ним бежала девушка в зелёном свитере, с косичками и в очках на цепочке.

— Барсик, ну отдай! — кричала она. — Это важная печать!

Кот шмыгнул под лавку и оттуда посмотрел на всех с видом «А что такого?».

— Кира, познакомься, это Зоя, — представила её Алевтина Петровна. — Наш архивариус и специалист по «вещам, которые сами себя прячут».

Зоя вздохнула, присела на корточки и протянула к коту бутерброд с сыром.

— На, Барсик, вот, хороший мальчик. Отдай печать, пожалуйста.

Барсик задумался, потом аккуратно положил печать рядом с бутербродом и, не торопясь, принялся есть.

— Видишь, — тихо сказала Зоя Кире, — с ним только так. Через желудок.

Кира невольно улыбнулась.

— А зачем вообще столько печатей? — спросила она.

Зоя пожала плечами.

— Чтобы магия знала, что всё официально, — объяснила

она. — Печать — это как подпись мира. Если нет печати, заклинание считается «незарегистрированным» и может пойти гулять по округе. Например, превратить скамейку в лебедя. Или заставить фонари разговаривать между собой.

Кира посмотрела на ближайшую скамейку. Та выглядела подозрительно спокойной, но Кира всё равно сделала шаг назад.

Вечером Кира сидела на крыльце своего домика и смотрела, как сумерки опускаются на лес. Воздух становился гуще, и в нём будто плавали крошечные искры — не огоньки, а скорее отголоски чьихто старых слов.

Рядом на перилах устроился Барсик. Он больше не был воришкой — теперь он выглядел как мудрый советник, который знает все тайны лагеря, но не спешит их раскрывать.

— Ты ведь всё видишь, да? — тихо спросила Кира.

Барсик фыркнул и потёрся о её руку.

Из темноты, будто из самого воздуха, прозвучал голос:

— Видит. И помнит. И иногда даже докладывает.

Кира обернулась. Рядом стояла старуха Агафья — та самая знахарка, о которой говорил Марк. В руках у неё был пучок сухих трав, а на плече сидела маленькая птица, которая внимательно смотрела на Киру, будто оценивала.

— Лес не злой, — сказала Агафья, глядя кудато в сторону тёмных деревьев. — Он просто старый. И у него долгая память. Он помнит, кто обещал, кто солгал, кто ушёл и не вернулся. И когда кто-то приходит сюда с пустыми словами,

лес начинает шептать. А потом — действовать.

— И что он делает? — прошептала Кира.

Агафья чуть улыбнулась.

— Делает так, чтобы слова стали делом, — ответила она.

— Или чтобы дело стало словом. Иногда это одно и то же.

Птица на её плече тихо чирикнула, будто подтверждая.

На следующее утро Кира проснулась от того, что её подушка прошептала: «Ещё пять минут». Она села на кровати, растерянно оглядываясь. Подушка выглядела совершенно обычной, но в её швах будто пряталась улыбка.

В дверях стоял Марк с папкой в руках.

— Доброе утро, — сказал он. — Сегодня у вас первое занятие: «Как оформить акт на стихийное проявление и не вызвать панику у канцелярии». И ещё: в лесу сегодня что-то шевелится. Агафья говорит, что деревья переставляют корни. Так что держитесь поближе к тропинкам и подальше от обещаний.

Кира кивнула, пытаясь осознать, что «переставляют корни» — это теперь часть её реальности.

Марк чуть задержался у двери.

— Знаете, — тихо сказал он, — самое сложное в нашей работе — не магия. Самое сложное — сделать так, чтобы магия не стала хаосом. А хаос начинается с одной маленькой фразы: «Да ладно, ничего страшного».

Он вышел, оставив Киру наедине с подушкой, которая снова прошептала: «Пять минут...»

Кира вздохнула, встала и потянулась к халату, который висел на спинке стула. Халат тихо зевнул, когда она его надевала.

«Ладно, — подумала Кира, — если уж халат зевает, значит, день будет интересным».

Глава 3. «Как договориться с чайником и не поссориться с зеркалом»

Утро в лагере «Заря» начиналось не с кофе, а с переговоров. Кира уже поняла: если хочешь горячего чая, сначала надо договориться.

В общей кухне стоял чайник — обычный на вид, из нержавеющей стали, с чуть погнутым носиком и наклейкой «Лучший чайник года» (кто его так наградил, никто не помнил). Но Зоя, архивариус, сразу предупредила:

— С ним нельзя в приказном тоне. Если скажешь «Вскипятись!», он обидится и будет булькать до обеда, а потом сделает вид, что забыл, как вообще работает. Лучше вежливо: «Будь добр, согрей воду». Он любит, когда его ценят.

Кира посмотрела на чайник с подозрением.

— Ты серьёзно?

Зоя пожала плечами.

— Серьёзнее некуда. В прошлом месяце новенький крикнул на него: «Да вскипи уже!» Чайник в ответ устроил паровую атаку, которая сорвала пломбу с вентиляционной трубы. Теперь у нас регламент: «О корректном обращении с термочувствительными артефактами». Три страницы.

Кира осторожно подошла к чайнику и тихо сказала:
— Пожалуйста, согрей воду. Если тебе не сложно.

Чайник тихонько звякнул крышкой — будто кивнул. И почти сразу внутри зашуршало, забурило, но не зло, а деловито, как будто он решил: «Ладно, помогу. Но только потому, что ты не командовала».

— Видишь? — улыбнулась Зоя. — Он не злой. Просто гордый.

Пока вода грелась, Кира огляделась. Кухня была местом, где бытовая магия проявлялась особенно нагло. Дуршлаг на полке иногда вздыхал, если его долго не использовали. Ложка в банке с сахаром время от времени тихонько постукивала, будто напоминала: «Я здесь, не теряй». А на стене висело зеркало в простой деревянной раме — и в нём отражение всегда появлялось с задержкой в пару секунд, будто зеркало сначала решало, стоит ли вообще тебя показывать.

Когда чайник щёлкнул, сообщая, что вода готова, Кира потянулась за кружкой. И тут зеркало вдруг тихо сказала:

— Не торопись.

Кира замерла. Зоя тоже замерла, но както привычно, будто слышала это не в первый раз.

— Это оно... сейчас... со мной? — прошептала Кира.

Зеркало чуть потемнело по краям, словно собиралось с мыслями.

— Сначала посмотри, — сказала оно. — Потом наливай.
Кира нахмурилась.

— Что посмотреть?

— На себя, — терпеливо ответило зеркало. — Не на причёску. На усталость. На то, что ты прячешь. Иногда кружка обжигает не изза кипятка. А изза того, что внутри.

Кира невольно коснулась груди, будто проверяя, правда ли там что-то болит. А потом вдруг поняла, что зеркало говорит не про магию. Оно говорит про неё.

— Ладно, — тихо сказала Кира. — Спасибо.

Зеркало чуть просветлело, будто улыбнулось краем стекла.

— Всегда пожалуйста. Но не стой тут весь день. У меня график: до полудня — советы, после — молчание.

Зоя тихонько хихикнула.

— Оно у нас философ. Иногда слишком.

Кира налила чай, стараясь не расплескать. Кружка в её руке чуть дрогнула, и вдруг прошептала:

— Осторожно. Я сегодня нервная.

Кира уставилась на кружку.

— Ты... тоже?

— Ну а что, — обиженно пробурчала кружка. — Вчера кто-то поставил меня на подоконник, где солнце светит прямо в бок. Я перегрелась и теперь злюсь.

Зоя закатила глаза, но сдержала улыбку.

— Слушай, — сказала она Кире, — тут все немного нервные. Главное — не принимай это на свой счёт. Просто у вещей тоже бывает плохой день.

— И что мне делать? — спросила Кира, держа кружку, как что-то живое.

— Извинись, — посоветовала Зоя. — Даже если ты не виновата. Вещи любят, когда их замечают.

Кира вздохнула и посмотрела на кружку.

— Прости, что кто-то тебя оставил на солнце. Это несправедливо.

Кружка чуть потеплела в руке, будто расслабилась.

— Ладно, — пробормотала она. — Я не буду плескаться. Но больше так не делай, ладно?

Кира кивнула, чувствуя, как абсурд этого разговора странным образом становится нормой.

После чая Кира пошла к своему домику. На двери висел дверной звонок — простая латунная кнопка с табличкой «Нажимать один раз. Серьёзно». Кира помнила предупреждение Алевтины Петровны: «Если нажмёшь дважды, он начнёт петь. И не что-нибудь, а арии из опер. Громко».

Она осторожно нажала один раз. Звонок звякнул — коротко, вежливо, будто сказал: «Заходи, я не против».

В домике её ждал ещё один сюрприз. На тумбочке лежал блокнот с ручкой. Блокнот был старым, с потёртой обложкой, а ручка — обычная шариковая, но с чуть кривым корпусом.

Едва Кира села на кровать, блокнот сам раскрылся на чистой странице, а ручка тихонько постучала по бумаге — будто намекала: «Ну, запиши что-нибудь. Хоть список покупок».

Мне скучно».

Кира улыбнулась. Впервые за последние дни она улыбнулась понастоящему.

— Ладно, — сказала она. — Давай запишу. «Купить нормальные кружки. Те, что не обижаются на солнце».

Ручка закрипела по бумаге, но не как обычно, а будто фыркнула: «Это несерьёзно».

Кира подняла бровь.

— А что серьёзно?

«То, что ты чувствуешь», — вывел почерк сам по себе, чёткими, уверенными буквами.

Кира застыла.

— Эй... это не я писала.

«Зато это правда», — спокойно ответила ручка.

Кира закрыла блокнот, но не сердито, а скорее смущённо.

— Знаешь, — сказала она ручке, — иногда хочется просто список покупок. Без философии.

Ручка тихонько звякнула, будто согласилась: «Ладно. Но если потом захочешь выговориться — я здесь. И блокнот тоже. Мы не сплетничаем. Ну, почти».

К полудню Кира вышла на тропинку, которая вела к лесу. Там её уже ждала Агафья. Старуха стояла, опершись на посох, и смотрела на деревья так, будто читала в их кронах письма.

— Привыкаешь? — спросила она, не оборачиваясь.

— Пытаюсь, — призналась Кира. — Но мне кажется, я всё

ещё жду, что чайник скажет: «Шучу, я обычный чайник».

Агафья тихо рассмеялась.

— Он никогда этого не скажет, — ответила она. — Потому что он не обычный. Тут всё не обычное. Даже воздух. Он помнит слова.

Кира поежилась, хотя день был тёплым.

— А лес? — тихо спросила она. — Он тоже... разговаривает?

— Лес не говорит словами, — сказала Агафья. — Он говорит делами. Ветками, корнями, тенями. И если ты умеешь слушать, он подскажет. Но не жди простых ответов. Лес любит загадки.

Словно в подтверждение её слов, с ближайшей сосны тихо упала шишка — ровно к ногам Киры. И лежала там, будто ждала, что Кира её поднимет.

Кира наклонилась и взяла шишку. Та была тёплой, будто её грело не солнце, а что-то изнутри.

— Это знак? — спросила Кира.

Агафья чуть наклонила голову.

— Или просто шишка. Тут одно от другого не всегда отличишь.

На обратном пути Кира остановилась у скамейки возле столовой. Скамейка выглядела мирно, но Кира помнила слова Зои: «Вещи могут меняться, если на них никто не обращает внимания».

И вдруг скамейка тихонько проскрипела:

— Садись. Я сегодня добрая.

Кира осторожно присела. Скамейка скрипнула ещё раз, но уже не ворчливо, а как будто устраиваясь поудобнее.

— Спасибо, — сказала Кира.

— Не за что, — отозвалась скамейка. — Только не оставляй тут мокрые вещи. Я потом неделю сохну и злюсь.

Кира рассмеялась — впервые за долгое время искренне, до слёз.

Глава 4. «Как лес собирает долги»

Кира сидела на той самой скамейке, которая теперь казалась ей почти знакомой — будто они успели обменяться парой тихих признаний. Солнце садилось, и длинные тени от деревьев ложились на тропинку, как строчки в старой книге, которую никто не решался открыть.

Рядом стояла Агафья. Она не торопила, не поучала — просто стояла и смотрела в сторону леса, будто ждала, когда он сам начнёт говорить.

— Ты хотела знать, как лес начал «собирать долги», — тихо сказала старуха. — Это не про деньги и не про вещи. Это про слова. Про обещания. Про то, что люди бросали в воздух, думая, что ветер унесёт и забудет.

Кира сжала пальцы, вспоминая, сколько раз она сама говорила: «Да ладно, ничего страшного», «Я потом всё исправлю», «Неважно».

— Когдато здесь жили люди, которые умели слышать лес, — продолжила Агафья. — Они знали: слово — это семя. Посадишь его — оно вырастет. В цветах, в буре, в тишине, в крике птицы. И если слово было пустым, лес всё равно его растил. Только росло оно не в радость, а в тяжесть.

Она наклонилась и подняла с земли сухую веточку. Та в её пальцах будто чуть дрогнула, как будто вспомнила, что

когда была живой.

— Легенда говорит, что однажды пришёл человек, который обещал всё исправить. Он говорил громко, уверенно, и люди ему верили. Он обещал, что лес больше не будет мешать, что дороги станут прямыми, поля — обширными, а жизнь — простой. Он говорил это стоя под старой сосной, у которой на стволе были вырезаны три кольца — знак договора между лесом и людьми.

Агафья провела пальцем по воздуху, будто вычерчивая эти кольца.

— И лес принял его слова как договор. Потому что слова, сказанные с силой, даже если в них нет правды, становятся делом. И лес начал делать так, чтобы обещания сбылись. Но не так, как хотел тот человек. Он сделал дороги прямыми — выкорчевав деревья, которые мешали. Он сделал поля обширными — забрав у людей тень, воду, тишину. Он сделал жизнь простой — забрав у неё сложность, а значит, и смысл.

Кира невольно посмотрела на лес. Теперь он казался не просто тёмной массой деревьев, а чемто внимательным, почти насторожённым.

— А потом люди поняли, что натворили, — тихо продолжила Агафья. — Но было поздно. Лес уже начал «собирать долги» — возвращать людям то, что они посеяли. Каждое пустое обещание прорастало колючим кустарником. Каждая ложь — туманом, который путал тропы. Каждый крик, брошенный в гнев, становился ветром, который ломал ветки.

Лес не мстил. Он просто возвращал.

Кира вспомнила утро, когда она, уставшая и злая, сказала у двери: «Да гори оно всё огнём!» И как в тот же день в столовой котёл вдруг вспыхнул синим пламенем, хотя дрова были сырыми.

— Это... изза меня? — прошептала она.

Агафья кивнула, но без осуждения.

— Слова оставляют след, — сказала она. — Особенно если они сказаны на эмоциях. В этом лесу след не стирается. Он прорастает.

На следующее утро Кира проснулась с тяжёлым чувством, будто за ночь мир стал чуть более требовательным к её словам. Даже подушка, казалось, смотрела на неё с ожиданием: «Ну, что сегодня скажешь?»

Она вышла на тропу, стараясь идти тихо, не обещать ничего, даже мысленно. Но тревога сжимала грудь, и где-то внутри снова поднималась привычная волна раздражения: «Почему всё так сложно? Почему нельзя просто жить, как раньше?»

И едва эта мысль скользнула, впереди, прямо посреди тропинки, из земли пробился тонкий стебелёк — не трава, не цветок, а что-то странное, с тёмными прожилками, будто сплетённое из тени. Он рос прямо на глазах, вытягиваясь, распуская тонкие нити, похожие на паутинки.

Кира замерла.

— Не дыши на него, — раздался голос сзади.

Это был Марк. Он стоял, чуть наклонив голову, и смотрел на стебелёк так, будто видел не растение, а формулу.

— Что это? — выдохнула Кира.

— След, — коротко ответил Марк. — След от мысли. От раздражения. От желания, чтобы всё стало проще. Лес услышал. И начал выполнять.

Он достал из кармана маленький пузырёк с прозрачной жидкостью и аккуратно капнул на стебелёк. Тот зашипел, потемнел и медленно осел, будто растворяясь в земле.

— На время, — пояснил Марк. — Это не убирает след навсегда. Это только останавливает рост. Чтобы ты успела научиться не сеять лишнее.

Кира смотрела на то место, где только что был стебелёк, и чувствовала, как внутри всё сжимается от неловкости и страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.